

РУСЬКИ

НАРОДНИ КАЗКЫ Й ПРЫКАЗКЫ,

БАЙКЫ Й ПРЫБАЮТКЫ,

БРЕХЕНЬКЫ Й ПОБРЕХЕНЬКЫ,

БЫЛЫЦИ Й НЕБЫЛЫЦИ,

ПРЫКЛАДКЫ Й НИСЕННІТНЫЦИ.

Перша кланя.

Праца и кошт Шейковскаго.

БОБРУЙСЬКЕ.

ДРУКОВАЛЬНЯ К. В. ШЕЙКОВСЬКОГО.

1871.

Дозволено Цензурою. Г. Киевъ. 14 Марта 1871 года.

ПРЫПЫСУЕЦЬЦЯ ШЧЫРЫМ УКРАІНКАМ И ГАЛЫЧАНКАМ.

Для вас, для вас, души моі царыци,
Зберав я працівлько си былыци,
Щоб вы іх серцем шчыро зрозумилі
И диткам-внучкам своім заповіли,
Щоб на корысьть Вкраїни вони цюсіли,
Вкраїни, ненікни нашої старої,
    Вид ляцьких каверзив,
    Вид панських любошчиків
        Слыве вмерло!

K. Шейковський.

НАЙСАМПЕРЕД.

Тепер здаецца вже не треба доводыты про красу ѹ корысьть, яку нам дають народови вытворы: це вже давно довелы в пысьмацтвах, котри богатишчи вид нашого. А для пысьмацтв таких, як наше, шчэ ѹ бильше корысьти ѹ красы мают в соби народови вытворы. Нам тильки зистаецца збераты іх, любоватыся нымы, корыстуваты з ных и орудовать нымы для розвою нашого пысьмацтва.

Казкы наши мало ѹшче малы працівныків, котри-бы выдавалы іх в сьвит. Де-яки з ных правда роскыдалы по кілька казок в ризьных выданях. Але особнога выданя наськіх казок не было *). Тым-то мы покладаем надию, шчо збирнычок наш не буде за-лышним.

Най не варвидуют на нас чытальныкы, шчо мы не трымалыся ніякого сыстэму, ніякої рамкы пры выданю казок; а се раз через те, шчо збирнык наш не мае характэру чого-небудь закінчэнага, а друге через те, шчо сыстэмованя ѹ рамкованя видибрало бы вид нас багато часу, а пакі се та те, то, моляв той, и сьвятый Боже заспівают и нам и казкам!

*) Се было правдой тогди, а тепер шаено два выпуски вазок д. Рудзенка.

3

Вже й тепер дейкых казок, котри шче допедавна булы в пародных вустах, не чуты; а декотри, шче тепер шче е, скоро забудуцца, або переминяцца пид вплывам розвою, або теж и чужолюдносьти. Шче 1834 року можна було чуты таки казки, як съвидчыт д. Срезневський (Уч. Зап. Моск. Упиверситета. Октябрь. 1834, стр. 145 и 146), котри мени вже не доводилося чуты! Тым-то й тре посьпішати з записуваном іх, а як можна, то і з выданом, бо тогди буде видко, шче вже є і шче треба буде записувати.

Рахувалысьмо за потрибце зробыты до дейкых казок особни вважання, а до декотрых прыточты видмины, а пайпа-че ти видмины з надрукавых вже казок, котри выдани в книжках не нашого пысьмацтва. На тиі-ж видмины, шче надруковали вже в нашим пысьмацтви, мы тильки звертаsem увагу і видсылаем чытальшыків до самых выдань. Пры декотрых казках мы зробылы прыривнювала нашых казок с подобнымы казкамы других народів.

За пайлучшу форму для выданя казок нам выдалася форма выданя іх вынускамы, бо навіть і в сильнишчых пысьмацтвах вони выдагалыся ў тети форми. В стародавных збирняках нашых казок вони рахувалыся копамы; а як ко-на дилыцца на полукипки й клани, то мы й будем выдавати казки **кланямъ**.

О бодай-бы мое выданя казок пидняло працівныків до выданя повного збирняка казок нашого лісду!

Бобрыйське.

1868 року, 19 січня.

1

ОПЫР И ОГО ТОВАРИШ.

Йшов чоловик звидкись,— чы з весиля, чы с хрестын,— Бог ого съвъятый знає! — в опивнвочы. Дывыцьця вин шчось биле йде дорогою. Колы зблыжаецьця до него, аж то ого старый знакомый. «Здоров, брате,» каже чоловик.

— Здоров! видповидає прыятель, та якимось таким страшным голосом, што не можна! Душа в чоловика аж по п'ятах постыгла: тилько тень-тень, тень-тень! Але, чтобы не показаты того, вин пытає свого старого знакомого: «де ты бував, што тебе не выдаты так давно?»

— Ет, каже той: я був в москалях, а писъя выслужывся тай вмер (В чоловика волося на голови козубом стало!). А тепер ходу кождоі ночы на весиля. От ходы зо мною, я тебе попоштую.

Рад не рад чоловик, а мусыт ўты за опыром.

От прыйшли воны в якимось сели до ідноі хаты; там было весиля: всі як попылыша, то таё покотом и лежалы. Пишов опыр до молодых, высцав з ных кров, зибрав еі в бутельку и став частуваты свого знакомого. Той нибы п'е, а все розливає на землю. Опыр пыв, а вин все розливав. Зисталося шче трошки крови в бутельци. Опыр взяв, тай

в п'ец еі всунув: вин прычував, што вже скоро куры запилют. От и запили,—опыр знык.

А чоловик зистався як сам пе свий. Рано роспovив вин про опыра и сказав выйматы бутельку с кривлею из п'еца. А як-бы не выймалы ії и запалылы в п'ецу, молоди вмерлы-бы.

(С. Прыворотя на Подилю.)

2

ВМЕРЛЫЙ.

В одному сели вмер чоловик; ѿго поховалы. Прыходять на другой день, а вин лежыть зверху геть и с труною. ѿго знов закопалы. На другой день вин изнов лежыть зверху. ѿго йшче раз закопалы, на-ранок дывляцьця, а вин знов зверху. От и годи ѿго вже ховаты; покынулы так. Лежыть вин там соби недилю, другу: никто ѿго не ховас.

А курка прыйшла, тай нанесла яець пид рукою. Вин нибы лежав ныць и одну руку одкынув и пальцы росчепирыв; то там курка и яець нанесла.

От раз хлопци на досьвитках и заклалыся в двох: одни каже — я пиду, прынесу яець с-пид руки вмерця.

От и пишов вин: тильки што нагнуўся братъ яйца, а вмерлець хап за шыю, тай повисыўся ѿму на плечах и каже: «ото, чоловиче, обнесы мене кругом церквы тры разы, то забереш тоди яйца. Я, каже, скільки ни жыв на съви-

ти, то николы, як ходяль з обхожденыем кругом церкви, не ходыв, а тепер через те и земля мене не прыймае.«

Той парубок обнис ѿго тры разы кругом церкви, забрав яйця, тай пишов до дому.

(В Кыївщыни.

Персдав небишчык Боцяновський.)

ПРАХА.

Йшли дивчата на вечерныци десь далеко, чы на друге село, чы што. Кажда несла соби пражу, звычайне, як на вечерныци. Ідна з них несла дуже багато клоча. З другога села іхалы старосты до якоісь дивчыны в то саме село, звидкы тиі дивчата йшли. Як на тее треба було ім здышатыся.

— Добрывечер, красьни дивчата! каже староста.

— Дай, Боже, здоровля! видповидают воны.

Слово по слову староста ѹ давай пытаты дивчат куды вы йдете? Воны кажут — так и так — на вечерныци.

Тым часом, староста зобачыв межы дивчатамы и тую, што багато клоча несла, (а вона, тре знаты, ѹ непоганенка була!) тай каже: отто цяя несе!

«Овва!» видповидає вона: «што за дывныця? Я дванацьдзять талок за нич и за досьвиток папраду!»

Молодый, почувши то, моргнув и шепнүв шчось ста-

росьти на вухо. А староста и давай іі роспытуваты: де ти сыдыш?

А вона каже: «на киньци села, от-так просто-просьти синько сею дорогою.«

— А яка ж прымита?

«Литом заложени ворота, а зима на хати,» каже дивчина съмлючысь.

Уси дивчата зареготалы, а молодый и староста подумалы, што дивчына дала ім на прытыкы, шчобы воны пе булы таки цикави, — и не посьмилы бильше роспытуваты.

Дивчата пишли соби на вечерныци, а молодый и старосты поіхалы свою дорогою. Ідут та ідут, ідут та ідут.... Некиньци села дывляцца — стоіт якась дуже дрантыва хатынка і похылылася, як старенька бабка. Бачут: ворота закидені возом, а на хати стремлят сани.

От-то, што воно значыт, каже молодый: на воротах што, а па хати зима! От як ухытрылась вража дивчына! Зайдим-но сюды. Прыходят. Дай, Боже, добрый вечер! кажу — Дай, Боже, здоровячко обзываецца ўсюдзя: прощадаты, будете в нас госьти.

Слово по слову староста пытаецца — де ваша дочка?

— Таже пишла десь вечернычты.

— А чы не можна бы іі завабыты до дому?

От пислалы за нею. Вона прыйшла, сподобалася парукови, а вин сподобався іі. Через килька день вже сваташ.

По заручынах молодый просыт свою паречену, шчоб вона іхала до него до дому: «ты бидна, каже: в тебе ма ничего. А в моі мамы е багато прадива: вона дасці тоби, ты скоренько напрадеш, дамо выробыты и будут

весиля рушныкы.

Рада не рада, небога, мусила іхаты. От надавалы іі прадива и виддилылы особну хату, тай чекают: што то с того буде? чы напраде ж вона, думают, дванацьця талок занич и за досьвиток?

Молода сила над тым прадивом, тай не плаче ни, але аж мало головы соби не обдере!

От так, може, як коло опивночи являюцца якыхось два баби, страшных, горбатых, носатых, паскудных таких, што аж не можна! тай пытаюцца, чого вона плаче? Вона росказуе, што таке й таке дило. Лягай, кажут воны, спаты; не ма чого тоби турбоватыся: мы всё поробымо, тильки, штобы ты нас просыла на весиля и звала цёткамы.

Добре! каже вона, и сама лягла спаты. Наранок встae, всё готовe, як не може буты. Далы выробыты пражу и всё своро поспило, нибы з воды.

От вже и весиля спрaвляют; понаспрошувалы людей дуже багато. Молода не забула и цёток запросыты, и таке іх прыймае, на перше мисце садовыт, як може асестуе ім! А воны таки брыдки, таки погани, што вси люде брыдзяцца істы, як подывляюцца на ных.

От видбулы шчаслыве весиля; молодята вже виддилыліся вид батька й матери: стали заводытися на свое гospодарство. Маты надавала молоди, «скори праси», як іі звала, прадива и лёну, шчобы могла спочатку розробытыся і шчобы мала до чого руки прыгорнуты.

Іднога часу молодый став роспытуваты жинку: што то за цёткы булы на весилю и чого воны таки страшни? А

жинка й каже: воны, як булы мого вику, то булы таки. як и я, и так багато напрадалы, як и я, вид того пид ста- ристь сталы таки паскудни и страшни. Або ты думаеш. што я не буду така, як буду так багато напрадаты?

— И се ты правду кажеш, жинко?

— Бигме, што так!

— Не хочу я, шчобы ты прала; най ôму буде дур та пек з ôго пражою *).

И с сымы словамы всô прадиво попалыв.
(Камъянец.)

4

ЧЫ БУЛО КОЛЫ ДОБРЕ НА СЬВИТИ?

«А памъятаеш ты, Іване, чы було колы на сьвити добре жыты? Ты вже, славыты Бога, вика прожыв досыть, тможе й зазнав доброго?» Спытаў пан старого діда, свог пидданого.

— Чому-ж не памъятаты? сказав дід.

«А колы ж добре було на сьвити?»

— Та се було тогды, як я був *паном*, а моя Марын

---

*) Слова, надрукованы *ридче*, як в ци, так и в дру гих казках, вжываюцца як прымовкы. Часто прымовкы мают початок в казках, а декотри толькі мы й выясняюцца.

панию.

— «А колы ж то таке съвъято було, што вы панувалы?»

— Та се було тогды, як я женывся, а моя Марына виддавалася: вси нас поважалы, та велычалы: „*пан* молодый, *пани* молода,,. То було так в суботу, недилю, понедилок, вивторок. Вси называлы мене *паном*, а мою жинку *панию*. А як прыйшла середа, як вчепылася бида, то й доси не можем збутися еi!

(Там же.)

5

СОЛОДКИЙ ХЛИБ.

Був ѿби пип; це було дуже давно: шче як ходыв Господь по земли. Што ни подадут бувало тому попови істы, ёму всё здавалось гиркым. От што вже ѻго попадя бувало найсмачнишче зварыт істы, так ни! ёму все гирко.

От каже пип: пиду в съвиты шукаты солодкого хлиба. Иде вин та йде; йде та йде. Аж здыбає якогось чоловіка (а то був Сам Господь). Слово по слову чоловик той и пытас попа: куды вин йде и чого? А пип ёму каже, што вин йде шукаты солодкого хлиба. Добре! каже той чоловік: я тоби дам солодкого хлиба. Тай зробыв того попа

то де-яки з ных вговорувалы, шчоб вин не горував и шчобы не пыв. А де-яки булы й таки, шчо й сами любылы выпыты и просылы й отца Івана выпыты з нымы «за кумпаниесю!» Як бувало назбераецьця тых, шчо любъят выпыты, то кождый з ных, як бере кылишок в руки, прыказуе: «за кумпаниесю!» Шпак, частенько чуючи тиі слова, навчывся й сам говорыты іх.

Довго вже той шпак був в отца Івана. Бувало сам с клитки вылитав и назад вертався: вже ѿго й не стереглы.

Раз весною шпак той вылетив с клитки, прылетив до гурту других шпакив-дычкив, полетив соби з нымы гуляты тай попався в сильце. Прыходит птахолов, а шпак в сильци бъєцьця, тай прыговоруе: «Боже мий, Боже мий! Шчо зо мною тепер буде?»

Птахолов почув, трохы nibы злякався, трохы здывувався, тай каже: ты шчо за чорт?

А шпак говорит: «отця Івана шпак.»

—Як же ты попав сюда?

«За кумпаниесю!»

(Вид д. Славира.)

ПОПИВ НАЙМЫТ.

Був соби пип, та такой сердзтий, шчо жаден наймыт не миг выбуты в него року. А наймав вин с такою умо-

волом.

Прышов Господь до села, видав того вола найбиднишчому чоловикови, тай каже: ничым не годуй сего вола, лыш полыном.

От був той вил килька лит у того чоловика и все ів полын: бувало як дадут ѿму полыну, то вин уплитає ѿго так, што аж за вухамы тришчыт!

Письля того Господь изнов переминив того вола в попа. Прышовши до дому, вин всі ѹв, што ѿму подавалы, и ничего ѿму не здавалося гиркым. Што вже попадя ѿго ни выпытувала: чы знайшов вин де солбдкій хліб? Вин бувало тилько рукою махне, тай ничего не скаже.

(Там же.)

6

ОТЦЯ ІВАНА ШПАК.

В отця Івана був шпак, котрый вмів говорыты: „*отця Івана шпак.*„ Бильше ничего вин не вмів говорыты. Як вмерла жинка в отця Івана, то вин з гора запыв и все прыговорував: «Божемий, Божемий! што зо мною тепер буде?» Часто отець Іван прыговорував ти слова, як брався за кылишок. От шпак навчыўся й соби говорыты тиі слова.

Як прыходылы до отця Івана ѿго знакоми потишаты ѿго,

вою, што, як наймыт россердыцца чого, то пип бому выбъе зуба, тай прожене без платы.

От вже никто с того села не хтив йты в наймыты до попа. Аж прыходит якись парубок з другого села. Пип згодыв бого, тай каже: памъятай же! як россердысься, то выбъю зуба, тай ничего не заплачу.— Добре! каже вин: але як и вы россердытыся, то я вам зуба выбъю.— Добре! каже пип.

Пислав бого пип ораты. Орав вин, орав цилисинъкий день, а істы бому ничего не вынеслы. Над вечер прыіхав вин до дому с плугом; дывыцца ворота заперти. Вин выприг волив, тай пустыв на выгин, а плуг порубав, порубав, тай перекынув через ворота.

Пип выйшов, тай пытаецца: што то таке? А наймыт каже: ворота булы заперти, то я порубав плуг, тай поперецьдав шматкамы через ворота. А може вы сердытесь за то? спытав наймыт.— Ни! каже пип.

Надходит празнык, чы што. Каже пип наймытови заризаты вивцю. Яку? пытае вин. Яка на тбе дывыцьця, сказав пип. Пишов наймыт, тай поризав всіх овц. Выйшов пип, тай рукамы сплеснув. А наймыт каже: таже вси дывылься на мене, то я всіх и поризав. Може вы сердытесь за то?—Ни! каже пип.

Збераюцца пип с попадю на ярмарок, а наймыта покинулы дома за кухара, тай сказали бому зварыты на вечеру росил с куркы с петрушкою. «Памъятай же,» каже попадя: «звары с петрушечкою.»

А в попа була хатна собачка, котру звали Цетрушкою.

От взяв наймыт, тай зварыв росил с тою собачкою. Вернувшись пип с попадью з ярмарку; силы тай вечерают. А пип пытає наймыта: деж наша Петрушка? Треба даты ій попоісты. —Та ж в росоли, каже той: вы ж сами сказали зварты росил с петрушечкою. —Тю, дурный, то ж не с собакою. —А, може, вы сердытеся? —Ни! каже пип.

От змовляецца пип с попадью як-бы втичи вид наймыта, бо вин всё перепсуе в нас, каже пип: та шчэ й зуба мени выбъе. А наймыт и пронюхав, што воны задумалы. Звечера наложылы воны повный мишок кніг, штобы взяты с собою. Наймыт взяв половыну книжок сховав в стодоли в солому, влиз сам в мишок, а зверху наклав на себе решту книжок.

Досьвита пип с попадью про垦нулыся, завъязалы мишок, тай понеслы. Так, може, як на обид прыйшли до якогось села, зайшли до коршмы спочты, а мишок с книжкамы зиставылы на пидсиню. Наймыт в мишку давай крычаты: я не вмию ни чытаты, ни пысаты, а мене хтят за короля обибрать!

Почув арендар. Гырсте, каже: я вмию й чытаты й пысаты. Ну, то розвъяжы ж, каже наймыт: мишок; я тебе сюды завъяжу. Тилько гляды, съды тыхо.

От спочты пип с попадью, тай знов пустылыся в дорогу зо своім мишком, а наймыт пишов за нымы назырцы. Вечером ім прыйшлось брысты через ричку. Як замочат кинец мишка в воду, то жыд бр-р! А попадя кажешось говорыт. То пысьмо съвяте, каже пип. Знов замочылы якось мишок в воду, то жыд знов бр-р! — Ни! ка-

же попадя: видай, чы не паймыт наш зализ в мишок.

Порадылыша воны кынуты мишок в воду, так и зробылы.

Перебрылы на той бик, аж наймыт вже там. Пип ёму каже: ты покынув наш дым? — Таже ѹ вы покынулы Ѻго слуга повынен буты там, де ѻго ѧосподар. А може вы сердытесь? — Ни! каже пип.

А што? каже пип до попади: я казав, што то пысьм съвъяте говорыт.

Вже стало темно. От воны збераюцца заночуваты на ричкою. Пип змовляецца с попадою якбы втопыты наймыта, а вин догадався.

Берег, де воны ночувалы, був зторысты и высокий. Полягалы воны спаты. Наймыт ляг на самим краю. Пип попадою заснулы, а вин не слыт. Як заснула попадя, вп вбрався в еi одежду, тай будыт попа: доброзею, доброзеек вставайте наймыта топыты. От взялых веня доброзийку: пi за ноги, а наймыт за голову, разгойдалы, тай бубух в вду!

А письля наймыт каже: што ж це вы зробылы? Вт пылы свою жинку?

— А Бодай же тебе, каже пип, побылальных годына!

— То вы, може, сердытесь? пытае наймыт.

— Байшче-бы не сердытыся? Втопыв мени жинку! же пип.

— Ну, так давайте же зуба выбью. Будете вы знаты, зубы выбываты!

Выбыв попови зуба, тай пишов соби.
 (Камъянец.)

НИСЕНИТНЫЦЯ.

А.

От як мы с покийным батьком заходылысь: чым тут промышляты? Забралы мишкы, та пишли в степ въюнив ловыты. Наловылы, прынеслы до дому. Што тут робыты? Давай іх доіты....Надоілы повну хату молока, так нибы аж по викна. Ото што з ным робыты? Давай мы з батьком козоты масло: так батько в ідно викно коцюбою, а я в друге; набылы масла по сами викна. Дали што робыты? Повезлы мы масло в Адес продаваты. Тилько в ідному мисьти перекинуłyся на гребли; а вода йшла велика через греблю, тай вымыла масло: осталось так с пивсоломъянка. Ото як насходылысь купци, як началы штокать и кавать, то наштокалы й накакалы повен соломъянка. От прывезлы мы масло в Адес, продалы, взялы грошенят таки чы мало. Што робыты, каже батько: треба шчось купыты до церкви. От купылы мы соломъянного звона, та повисылы на глухому дубови, та як зазвонылы, то так гуде, тай гуде.... От прыхавши до дому, заходылысь мы обид справляты.

Пислав мене батько людей склыкаты: то я так—дви хати помыну, а в трети не буду; дви хати помыну, а в трети не буду.... Насходылось людей таки й гарненьких.... Батько став за столом з макогоном, а я коло порога с качалкою. Як началы мы людей частуваты! Хто ни вырвецьца, то так дякує: «отто! Я ще такого обиду николы не бачив!»

(В Кыївщыни. Передав Боцяновський.)

Б.

Як мы з дидом парубковали, а батька ще й на съвіти не було; дид великий, а я ще бильшый: дид собади спыны не достане, а я й кисьци. А в нас худобы, худобы, волив, волив: пар на двадцять! Та як запряглы мы кишку та собаку, та почалы хазяйствовать та орати, та почалы хліб сиять, та посиялы — тилько глянуть: Боже, твоя воля! Уродыв той хліб: Господы мылостивый! Як почалы мы їго порать, як почалы косыть, — шылом пидштыркувати, так Господы! Съннп од снопа—десята верства, копа од копы — день ізды! Та як запряглы мы кишку та собаку спопив звозить, та назвозылы тых снопив скыртягу на печи в кутку: глянуть, так така и неба не видно! Де взялася пребисова мыша, тай заплодылась у скырти. Як плыгне кишка мышу ловить, тай скырту перекинула. Як перекинула, так тиі спопы в помийницю. От почалы мы

тума прыбирать, чым ти снопы вытягать? Та човном по помийныци плаваєм. Повытягалы, та постановылы по-пидтиню — на печи по-пид стиню сушыть. Як почалы мы той хліб молотыть! Молотымо, молотымо, та намолотылы у тому маѣ, у другому так, а у третдму чорт уаничого.

(Харькивщина, Волчанського пов. Передав д. А. Потебня.)

9

ПЕС, КИТ ТА МЫШ.

Повидают, што на початку сьвита всёго було доволи, што колос на хлібах був аж вид земли до верху через всю стебельнику. Ідного часу ходыв Бог по земли в постати јебрака. Прыйшов Вин пид вікно до ідної хаты, а там саме жинка пекла блины. От Вин и просыт в неї мыло-смыни; а вона ёму й кинула через вікно той блин, што ляпав с пательни и дуже повалявся (бо вона була скучльяга). Дуже то зворушыло и образыло мылосердного Бога, што пры таким достатку всёго люде йшче скучляцьца! Россердывся Вин, йде полем, взяв стебло пшеницы тай вид низу аж до верху счимхнув зерно, только трошки верхушки колоска шче зисталося в руци.

Аж бижат песык и котык. Песык զյв-զյв! котык мняв-

мняв! — просят Бога, щоб зиставив на іх долю трохи зерна. От Бог змылосердывся, зиставив для пых той маленький колосочек. Вони подякувалы Богови, тай знов просят, щоб Бог дав ім акт, що той колосочек зистався на іх долю. Бог дав ім на пергаменти акт.

Цисьля того песык и котык прыйшли до чоловика, тай показують ѿму той акт, а вин и каже: «на що вам зорно? Що вы з ным будете робыты? Дайте мені той акт, а я вас буду держати при соби, буду годувати вас и дам вам в тим вид себе акт.» От вони й згодилися. Чоловик дав ім вид себе акт на пергаменти.

Песык передав той акт котыкови, щоби вип сховав ѿго. От котык сховав ѿго пид стрижу, и ни разу не заглянув до него. А тым часом мышы зовсім поточили той акт пид стрижою.

Спочатку добре було котови й псови в чоловика, а потому вин став зле обходыцца з пымы. Тоді вони хтили показати ѿму той акт. От и каже песык котыкови: а дистань-но той акт, що я дав тоби сховати.—

Полиз кит пид стрижу; аж з акта того зисталися тилько шматочки, бо мышы ѿго погрязли и пичого не можна було розибрать, що там було написано.

С того часу пес став ворогувати с котом за то, що вин не добре сховав акт, а кит став ворогувати з мышами, що вони погрязли акт; а чоловик йшче гирше став поводыти пса й кота, забувши, що вин з їх псячою й котячою долю.

(Кам'янець.)

ШКОЛЯР.

Ішов школьнік на вакаціі до дому: він вже прытомывся трохы. Була неділя, чы сьвято якесь; з ярмарку іхало багато людей, бо наблыжався вечар.

От той школьнік здыбав якогось чоловіка, што іхав з ярмарку воламы, тай просыт ѿго: чоловиче, чоловиче! підвезіт мене трохы, колы ласка ваша, бо я втомывся.

—А ты хто такій? пытае той.

—Школьник, каже він.

—Гм! школьнік? Седай, колы ты школьнік: іднаково мени треба шыбы вставляты дома.

От змовчав школьнік, тай сив на віз. А мужык, може, й розслухав добре, што він школьнік, а не школьнік, тай сооби змовчав.

Прыйшлося ім перейдцати став; от выхалы вони вже в воду, а мужык и пытае ѿго: што ж чы вмиеш ты шыбы вставляты?

—Ни! каже школьнік.

—Який же бисового батька с тебе школьнік, колы не вмиеш шыбы вставляты?

—Та же я не школьнік, а школьнік, каже той.

—А то ты школяр? то гет з мого воза!—

А де саме було по серед стагу.

—Позволь же, дядьку, каже школяр, ходь по вию прыты: все буде менше брысты водою.

—Можеш.—

От пишов той по вию, сив на вола, вытягнув занозу, крикнув гейс! тай переіхав, нибы на кони верхом. А мужык зистався на серед ставу з возом и з ідным волом.

Почухався мужык в потылышю, тай каже: о! лысяча в бого ма! хтив я бого перезуты, аж вин мене переодягнув!

Ничого робыты, злиз мужык з воза, перебрыв став и прывив другого вола (бо школяр, переіхавши став, покинув бого на тамтим боци, а сам пишов дальше), запрыг, тай іде до дому гей-бы сам не свий.

А школяр тым часом прыйшов в село и попросыўся впершу хату нанич: в ти хати була дома только Ґосподыня, а Ґосподара не було дома. Попоівшы, што бому дали, школяр забывся в куток, тай ляг спаты.

Незабаром прыіхав до дому Ґосподар, замоченый та задрипаный по вуха и сердытый. Жинка й давай роспытуваты бого: де так замочыўся? Вин рассказал што такое й также дило: напався на мене якийсь школяр и такого філя мени выкынув. Жинка й каже, што якийсь школяр выпросыўся в мене нанич. А в школяра аж в п'ята постыгло; думає соби: от попався и я в пастку! Тай притаівся, нибы спыт. Але Ґосподар роздрухав бого, тай посадовыў с собою вечераты.

Повечеравши, вип став роспытувати школяра, чому вас вчат в школи и што ты знаеш?

— Чому вчат, каже школяр: то я й знаю.

— Добре каже: скажи ж мени, што оде таке? показує на вогонь на свитли.

— Таже вогонь,—каже школяр.

— А ъгосподар ѫго за чупрыну та в шую, то так, каже, вас вчат?! Та же се красота; та знов ѫго за чупрыну; знай, што це красота; а не вогонь, бо то по простому вогонь.

— Потим показав па кыцьку, а це што?—Кыцька, сказав школяр. Той знов почав ѫго стусаныты, тай каже: це чистота, бо вона очышчає будынок вид мышей.

Нисъля показав ѫму на воду, пытаючи: а де што? Вода видказав школяр. Вин знов зачав ѫго гатылыты на вси бокы, приказуючи: се благодать, бо як дошч йде, то люды кажут: от благодать Божа!

Затым сказав ѫму йты спати на гору^(*) та ѿчев остатний раз запытав ѫго: як по вашому звецьца те, куды підеш спати?

— Таже горишча, каже школяр, прычуваючи, што не з медом ѫму буде. А вин знов зачав ѫго чубарыты, приказуючи: се высота, высота!

Вылатав бидного школяра на вси бокы, тай сказав ѫму йты спати. А ѫму не до спапя: вип став обдумувати—як-

(*) Горишча.

бы бму видякуваты җосподарови? Але сон перемиг свог вип заспув, пибы писъля лазьни.

Наранок встав; не ма җосподара, а җосподыня пораецьца коло пъеца.

Роспытавши, де җосподар и довидавши, што вин в коршми, школяр спиймав кыцьку, прывязав ій до фоста вуглык вогню, тай пустыв на горинича, а сам, подякувавши җосподыни за пичлиг, пишов дали.

Але по дорози зайшов до коршмы, тай каке җосподарови «прийшла чистота, взяла па фист красоту, тай побигла па высоту, а як не буде благодати, то не будеш сидити в хати!»

— А бачеш, школяру, каже җосподар: не йдес па ука в лис, а в пис; навчыв я тебе; дай бму, орендарю, шматырку горивки.

Выпывши горивку, школяр чым боржи пишов с села и затесався кудысь так, шчобы й зо свичкою бго не зпайшли!

А тым часом хата загорилася; җосподар, побачывши тес, почухався в голову, тай каже: о! лысяча в бго ма! Хтив я бго навчыты, аж вин мене перевчы!

(Там же.)

ДЯЧОК И ЧОРТ.

Ішов дячок звіткысь,—чи від небишчыка, де чытав псалтыр, чи шчо—пизною порою. На гребли здыбав б'го чорт (Лух съвътый прыхати й при нас хрешческих!), тай каже:

Ой ты, дячку ученый,
На вси школы выбранный!
Скажы мени, дячку,
Шчо то ест «іден»?

Дячок: Іден сын Маріі,
Шчо крулює и панує
В неби над намы*).

Чорт: Ой ты, дячку ученый,
На вси школы выбранный!
Скажы ж мени, дячку,
Шчо то ест «два»?

Дячок: Дви таблицы мусибовых,
Шчо на крижу завишоных;
Іден сын Маріі,
Шчо крулює и панує
В неби над намы.

* Всі свії видавниди дячок виспівував в лісіль за юдої видавниди повторав попередні, для того, щоби
сунуты час, на які буры запилють, бо тогды чорт сchezне.

- Чорт: Ой ты, дячку ученый,
На вси школы выбраний!
Скажы мени, дячку,
Што то ест «тры»?
- Дячок: Тры крулбве,
Монархове*),
Двя таблицы мусибовых,
Што на крыжу завишоных *и дали*.
- Чорт: Ой ты, дячку ученый,
На вси школы выбраний!
Скажы ж мени, дячку,
Што то ест «штыре»?
- Дячок: Штыре листы
Ивангелысты,
Тры крулбве
Монархове *и дали*.
- Чорт: Ой ты, дячку учепый,
На вси школы выбраний!
Скажы ж мени, дячку,
Што то ест «пъять»?
- Дячок: Пъять ран терпив Пан
За нас гришных христыян;
Штыре листы
Ивангелысты *и дали*.
- Чорт: Ой ты, дячку учепый,
На вси школы выбраний!
Скажы ж мени, дячку,
Што то ест «шисьть»?

* Ведомо: Тры патрархове.

- Дячок: Шисьть квит лилиі
 Пры найсьвятышай Маріі;
 П'ять рап терпив Пан
 За нас гришных христыян *и дали.*
- Чорт: Ой ты, дячку ученый,
 На вси школы выбранный!
 Скажы ж мени, дячку,
 Што то ест «сім»?
- Дячок: Сім сакраментів,
 Шисьть квит лилиі
 Пры найсьвятышай Маріі *и дали.*
- Чорт: Ой ты, дячку ученый,
 На вси школы выбранный!
 Скажы ж мени, дячку,
 Што то ест «висім»?
- Дячок: Висім хорив ангельських,
 Сім сакраментів *и дали.*
- Чорт: Ой ты, дячку ученый,
 На вси школы выбранный!
 Скажы ж мени, дячку,
 Што то ест «дев'ять»?
- Дячок: Дев'ять мылосьтів паненських,
 Висім хорив ангельських *и дали.*
- Чорт: Ой ты, дячку ученый,
 На вси школы выбранный!
 Скажы ж мепи дячку,
 Што то ест «десяте»?
- Дячок: Десять Божых приказаний;

Девъять мылос্তив паненьських *и дали.*

Чорт: Ой ты, дячку ученый,
На вси школы выбраний!
Скажи ж мени, дячку,
Што то ест «одынадцять»?

Дячок: Одынадцять мученыкив,
Десять Божых приказанив *и дали.*

Чорт: Ой ты, дячку ученый,
На вси школы выбраний!
Скажи ж мени, дячку,
Што то ест «дванадцять»?

Дячок: Дванадцять апостолив,
Одынадцять мученыкив,
Десять Божых приказанив,
Девъять мылос্তив паненьських,
Висим хорив ангельських,
Сим сакраментив,
Шісеть квіт лілиі
Пры найсьвѧтшай Марії,
Ільять ран терпив Пан
За нас гришных християн,
Штыре листы
Івагелісты,
Тры крулобве,
Монархове,
Дви таблыци мусибовых,
Што на крыжу завишеных,
Іден сын Марії,

ІЧо крулює і папує,
В лебі над намы.

Тут куры запили. А дячок, схвативши чорта, вже без
пытаця спиває:

А тринаадцять ти—чорт!
С дымы словами дячок зипхнув бого в став.
(Дунаївци. Від д. Швачинського)

12.

ШЧОСЬ ЗНАКОМЕ ПОІХАЛО.

Бидний папок збудував соби домивку на Сагайдаку*). На Сагайдаку богато проїжжаючих, а папок був дуже падкий знати—хто, по якому дилу и куда іде? Було нічого не пропустыть, не роспітавшись про те.

Раз над вечер сидив папок на рундуци тай потягував соби з носогрийки. Аж іде хтось швидко-прешвидко каляскою....

«Гей, Трохиме!» крикнув папок: скорий на коня, доганяв, та роспитай: «Хто, з видкиля, куды и яке дило маєть?»

Трохим сив на коня, чкурнув, тай кричить в сълід проїжжим: пострывайте, проби пострывайте!—Каляска зупинилася: сидив в ний якись генерал.

* Сагайдак—мені дорога, котра взяла епос. пасінсько вид гетьчапа Сагайдачного. Йпакшю тоді називалася Сагайдаки між шлях (див. Шевч. д. Максимовича І. 1834 р. карт. 7).

От Трохым пидъіхав, кланяєцься нызенько, тай каже:
пислав мене Пап роспытаць х то вы, звиджил я,
куды и як е дило мае?

А генерал бому: «дуракъ твой панъ и ты съ нимъ!»
А сам поіхав, аж закурылось....

От повертаас Трохым, радый, що роспытаав. Пидъіж-
жае до пана з усмишкою: ха, ха, ха! Шчось зна-
коме поіхало!

— Як?! пытае пан.

— Нізпав, пізнаў нас, пане!

— Што ж сказав?—

— Сказав, що вы—дурень и я дурень!

(Ахтырка. Від д. Затаєвича.)

13.

МЛЫН*).

В якимось сели був пустый млын. Вогорылы, що вин
пустый через те, что там жылы нечисльницилисіньку
нич мололы собі табаку, чы Бог бго знае що!

В тим сели був пан, бо де іх не ма? В пана булы
слуги (таки бго пиддави), бо в якого пана не ма слуг?
Вин бы й паном не був, як бы не мав слуг. Ідна дівчина
з бго прыслуги чымось не вгодыла панови.

*) Шчось можна с у д. Рудченка. в. 2 крт. 61-65.

От роскарав тай пан видвесты панич тую дивчину до того млына, и замкнуты ей там.

Вызвели ей нанич. Сидит бицна дивчина. От так, може, як коло опивночи, являещца до неей чорт, тай каже: швчено! ходы зо мною в танец.

В дивчыны аж в пъятах постыгло. Але подумавши трохи, вона каже: як же я пиду в танец, колы я боса?

Чорт счез, а потому знов зъявився, прынис ій панчохи і черевики, тай знов просыт ей в танец.

Як же я пиду в танец, колы в мене не ма сукни, каже знов дивчина.

Знов чорт счез и трохи згодом зъявився и прынис сукню, тай знов просыт ей в танец.

Як же я пиду в танец, колы в мене не ма фартушка? А дивчина, тилько выгадує для того, щобы як небудь борше час згаяти, а сама Бога прысыт, щобы хутче кури занизли.

Знык чорт ц незабаром прынис ай фартушок, тай знов провадыт свое: ходы зо мною в танец.

Як же я пиду, колы в мене не ма хустки на шы?

Чорт счез, а через хвилю знов зъявився, прынис гарну хустку, тай знов просыт дивчыну в танец.

Як же я пиду в танец, колы в мене не ма на шы коралив?

Незабавом чорт прынис и корали, и знов просыт ей в танец.

Як же я пиду в танец, колы в мене голова не лесана?

Знов чорт сchez и прынис гребинь и люстро. Дивчына росчесалася и таки довгенько заплитаала соби косы дробнычки. Й прыглядвалася в люстро, аж чортови нудво стало! А дали вин знов просыт ei в танец.

Як же я пиду в танец, колы в мене не ма бывд за голови?

Чорт шатнувся, прынис быпды, тай знов просыт ei в танец.

Отто! каже дивчына з усмишкою, прычуваючи, што вже скоро куры заспивають: як же мы будем танцюваты без музыкив, хиба як теля на мотузи, чы шчо?

Чорт вдарив себе по голови, тай каже: байсправди! як без музыкив танцюваты? Отто з мене дурень недогадливий! Што-бы мени музыкив прывести? Я вже й так втомився, бигаючи то за тым, то за сым, а тепер ще треба йти за музыкамы!

С цымы словами чорт сchez за музыкамы. А тым часом курут ку-ку-ри-ку! дивчина так и зисталася вбрана, як ши винец.

Враньци пан рассказав пити до млына позбераты косточки з дивчыны. Яким же дывним дывом здывувалы люды й пан як зобачыли, што дивчына не тилько жыве, але ще й так гарно вбрана

Ідна с товарышок дивчыни роспыталася, што з нею було в млыни и де вона таке гарне вбраня взяла? Тота росказала ei як и шчо. Вона й начала памысляти віточуваты панови, щобы й ей пан пислав на пич до млына. Пан за якусь провину хтив ei нагаямы збасамапувати

ле вона дуже просылася, щоби єї писалы до млына занич. Довго пан не хтив, а нарешти пислав єї до млына нанич.

От так, може, як коло опивночы зъявывся чорт, тай каже: дивчыно! ходы зо мною в танец!

А вона вышчирила зубы тай каже: як же я пиду в танец, колы в мене не ма ни черевыкив, ни панчих, ни сукни, ни фартунка, ни хустки, ни коралив, ни бындив?

Чорт дуже обрадався, што найшов девчыну, котра все бму видразу заказала, счез и дух прынис всё, не забув и музыкив прывести с собою.

Дивчина вбралася и пишла с чортом в танец. Чорт рознис єї, зисталыся тилько кисточки.

На ранок приходят до млына, а з дивчыны тилько кисточки и то треба збераты іх по цилому млыни!

(Камъянец.)

14.

ОТТАК ЧОРТ ПЪЯНЫХ БЕРЕ!

A.

Журавель, дознавшысь, што горилка робыцьца с хлибом воды, понаносыв зерна в калюжу и ну! бго мисыть

ногами, чтобы выкурить с того горилку. Письля той почазъ часто пробовать и сибы зробывся пъяным тай повалывся на землю. А тым часом стрелецъ пидстрелив бго и пидстреленый журавель сказав: оттак чорт пьяных бере!

Б.

Чоловик прывиз бочку горилки, тай забув спрятати што; а горобци налетили, тай повпывалыся. Як во гнався за імы яструб, то воны вси забылыша в кучу хворосту. Одын з іх найвлдважнишчий сив наверх хворосту тай пидъохочував товарыши не бояцьца: «Чого на жажда, брацьца, Хомы бояцьца?»!-Яструб запнув бго, тай понис. А товарыши бго, выглядуючи с хвороста, сказали: оттак чорт пьяных бере!
(Обыдви с Полтавщины.)

15.

КОЗА БЕДРА.*)

Був соби дид и баба, малы воны соби тры сыны.

(*) У д. Рудченка є виданням Івана „коза бедра“ (ДЧВ. В. . варт. 43--45).

две дочки и стало киз. От посылае дид найстаршого сына пасты козы тай наказує добре пасты іх и доглядаты.

Пасе найстарший сын козы добре, в полудне напоів іх и пас знов аж до вечера. Як стало сонце сидаты, вин пигнав іх до дому.

Стоіт дид на воротах
В червоных чоботях,
З макогоном в руках,
Тай каже:
Козоньки,
Лебедоньки!
Чы ілы вы,
Чы пылы вы?

Видказуе вайстарша коза:

Ни, дидусю,
Не ілы мы,
Ни пылы мы:
Биглы через лисочек,
Вхопылы кленовый листочек,
Тай тым передилылыш!
Биглы через гребельку,
Вхопылы воды крапельку,
Тай тым передилылыш!
Тилько мы ілы,
Тилько мы й пылы!

Дид россердывся, взяв тай забыв сына макогоном; tolub высынув на гору(*), а голову настромыв на коляку.

(*) *Горишча.*

На другой день посылає дид середушчого сыпа с козами
тай наказує добре доглядати іх

Пасе середушчий сын козы тай пасе; на полуднє пиг-
нав іх до води, напоїв тай знов пасе аж до вечера.
Над вечер пигнав іх до дому.

Стоїт дид на воротях
В червоных чоботях,
З макогоном в руках,
Тай каже:
Козоньки,
Лебедоньки!
Чы ілы вы,
Чы пылы вы?

Вилказує найстарша коза:

Ни, дидусю, и дали.

Россердився дид, взяв тай забыв середушчого сына
макогоном, tolub выкинув на гору, а голову настромив
на коляку.

На третій день посылає дид наймолодшого сыпа паstry
козы тай наказує ёму добре доглядати іх.

Пасе молодший сын тай пасе, на полуднє пигнав іх
до води, напоїв, тай знов пасе аж до вечера. Над вечер
пигнав іх до дому.

Стоїт дид на воротях
В червоных чоботях,
З макогоном в руках,
Тай каже:
Козоньки,

Лебедоньки!

Чы ілы вы,

Чы нылы вы?

Видказуе найстарша коза:

Ни, дидусю, *и дали.*

Россердывся дид, забыв макогоном наймолодшого сына; толуб выкинув на гору, а голову настромыв на коляку.

На четвертый день посылае дид старшу дочку пасты козы, тай каже: ты ж пасы іх добре, бо ти урвыти заморили іх.

От пигнала вона іх пасты; пасе тай пасе, пигнала іх на полудне до воды, напоіла, тай знов пасе. Над вечер пигнала іх до дому.

Стойт дид на воротах

В червоных чоботях,

З макогоном в руках,

Тай каже:

Козоньки, .

Лебедоньки!

Чы ілы вы,

Чы нылы вы?

Видказуе найстарша коза:

Ни, дидусю *и дали.*

Россердывся дид, забыв старшу дочку макогоном; толуб выкинув на гору, а голову настромыв на коляку.

На п'ятый день посылае дид найменшу дочку пасты козы. Пасла вона іх, пасла; напоіла, тай знов пасла. Над вечер пигнала до дому.

Стоіт дид на воротях
 В червоных чоботях,
 З макогоном в руках,
 Тай каже:
 Козоньки,
 Лебедоньки!
 Чы ілы вы,
 Чы пылы вы?

Видказує найстарша коза:

Ни, дидусю и дали.

На шестый день посылає дид бабу пасты козы, тай каже: «Ляды ж, стара, годуй добре киз! Насла вона іх цилисницкій день, на полудне напоіла іх. Над вечер пигнала до дому.

Стоіт дид на воротах
 В червоных чоботях,
 З макогоном в руках,
 Тай каже:
 Козоньки,
 Лебедоньки!
 Чы ілы вы,
 Чы пылы вы?

Видказує найстарша коза:

Ни, дидусю, и дали.

Россердывся дид, забыв бабу макогоном; tolуб выкынув на гору, а голову настромив на коляку.

На сёмый день йде сам дид пасты козы. Насе тай пасе; на полудне напоів іх, тай знов пасе аж до вечера.

Над вечер пигнав іх до дому, а сам суголовкамы побиг нацеред, переодягнувшись, взувся в червони чоботы.

Стоіт диц па воротах
В червоных чоботах,
З макогоном в рудах,
Тай каже:
Козонькы,
Лебедонькы!
Чы ілы вы,
Чы пылы вы?

А найстарша коза не пизнала ѿго, тай каже:

Ни, дидусю,
Не ілы мы,
Ни пылы мы:
Биглы через лисочек,
Вхопылы кленовый листочек,
Тай тым передилылыш!
Биглы через гребельку,
Вхопылы воды крапельку,
Тай тым передилылыш!
Тилько мы ілы,
Тилько мы й пылы!

Россердывся дид па козу, пожалував, што позабывав
ни за што, ни про што сынив, дочок и жинку, взяв
найстаршу козу, тай хтив живцем обдуptyты еї.

Облупыв дид ій пив бедра, а вона якось вырвалась,
тай с крыком «н е - м е - н е!» втикла.

Бигла, бигла коза; прыбигла до лысычкої хаты, а

лысычки same дома не було, тай зачыннылася там.

Прыйшла лысычка, стук-стук....Хто в моій хатъци?

Я коза-бедра,
Пивбока обдерта.
Тупу-тупу нижкамы,
Заколю тя рижкамы,
А фостиком замету,
А нижкамы вынесу!

Злякалася лысычка, сила тай плаче, аж иде вовк.

— Лысычко-сестрычко! Чого се ты плачеш?

— Як же мени не плакаты, колы хтось влиз в мою хатку?

— Ходим, я выжену. Стук-стук....Хто в лысыччины хатъци?

Я коза-бедра,
Пивбока обдерта.
Тупу-тупу нижкамы,
Заколю тя рижкамы,
А фостиком замету,
А нижкамы вынесу.

— Ой! я боюся, каже вовк. Сыдит лысычка, тай плаче. Так само йшов медвидь, лев, тай ничего не моглы зробыты для лысычки.

Аж шовзе рак, тай пытає: лысычко-сестрычко! Чого се ты плачеш?

— Як же мени не плакаты, колы хтось влиз в мою хатку?

— Ходи, я выжену. Стук-стук....Хто в лысыччины хатъци?

Я коза-бедра

Пивбока обдерта.
 Тупу-тупу нижками,
 Заколю тя рижками,
 А фостиком замету,
 А нижками вынесу!

А рак каже:

А я рак-неборак,
 Я к ушичишу, буде знак!

Коза злякалася, тай каже: «не-ме-не!» и втикла с
 затки.

(Камъянец.)

В В А Ж А Н Я.

1.

О пыр и б г о т о в а р ы ш.

Базкы про опырив разсыпани по цили славъяншчыни, але не у всиx славъян ё слово опыр. От напрыклад у велькороссив не ма того слова. Для прыривнюваня нашоi базкы можна звернуты увагу чытальныкiv на велькоруски базкы в выданю д. Афапасьева 1861 р. карт. 144-150, вып. 5.

5.

6.

7.

Солодкий хлеб. Отця Івана шпак. Попив наймыт.

Народ наш мае багацько казок про попив; запевне найбильша частына іх зложена в часах уні, колы ляхи толькі об тым ликнувалыся, шчобы не зовсім в гарним съвіти выставляты наше духовельство, и тым самим навернуты люд до кателыцтва. До таких казок належат, видай, и вышысани. Даўшце в нашым выдаю йшче будут казкы того ж поцату. А може бытъ, што казка «солодкий хлеб» мае в соби основу стародавнага балванохвальства. Брехенька ж «Отця Івана шпак» спадае на старобытную латыньську, с котрої пишла прымовка: *tempus et oīas perīdi*. Але наша брехенька доладшиша.

9.

П Е С, К И Т Т А М Ы Ш.

Запевне казка цяя дуже стародавня. Пид вплывом хрыстянства вона в Галыччыни зминылася. Прыточым еі тут, як передав еі д. Верхрацький «чому тепер менш хліба на съвіти?» Як Пречыста Дива з Ісусом Христом и з съвіятym Іосыфом утикала через ричку, побачыла людей па поли, котри хліб збыралы: а понеже була дуже змучена и тяжко було ій брысты через воду, клыкала па людей, шчоб ій допомоглы. Але люди видмовылы Преч. Диви, кажучы, што не могут своеі работы покыдаты. А Маты Божа розгцивалася за тое та як перебрыла рику, взяла стебло, што було окрыте все зерном вид горы до

долны, так як тепер у нас колоском, и хотила вже зовсім ссунуты тое зерно, щоб укарати безсердечнисть людей. Аж ту видизався св. Іосиф, просячы, щоб іх таў дуже не караты. И затрымалася рука Преч. Діви пры кінци стебла так, што ино тилько зерна лышылося, кілько тепер на звычайнім колоску находыцца. И вид того часу стало меншэ хліба на съвіти (Поч. в. 2, карт. 40). Каждый зголосыцца, што се поданя пізнишчоі формациі, ниж наше.

У великоросів в Малоархангельшчыни я чув шчось подібне, але поданя того видповідає на пытання: «Чому тепер небо так високое?» Ядро того поданя ось яке: першэ небо було над головамы людей, так што рукою можна було дистаты. Раз йшов Бог в постаті жебрушчого діда, прыйшов в ідно село, підійшов до ідноі хатки під віконце тай дывыцца; аж там жинка скла блины, а немовлятко повзalo по доливци. Тым часом жинка якось впустыла на доливку блин, а немовлятко, выбачайте за слово, обвалилося на ту пору. Вона підіймала блин, тай підтерла ным дытыну. Тым часом жебрушок постукав в двері и попросыў мылостыни, вона й подала ёму того блина. И в ту пору небо піднялося так високо, як воно тепер.»

10.

ШКОЛЯР.

У д. Афанасьева в 4 вып. 1860 р. карт. 104 и 105 е

видмиша сеі брехенькы. Як вона там не на своім мисьди и як пе-каждому доведецьца куцыты того выданя, найбильше через те, што в ним так мало наських казок, то мы прыточым тут тую видмипу. З неі выдно, што вона пе так доладна як наша брехенька:

«Іхав Омелько з губерни до дому, а школяр тож быг до дому. Баче школяр, што на дорози велика калюжа, дай понав прохаты Омелька, штоб вин бго перевиз, а Омелько й кае: «ты братику, вченый, перейдеш, як захочеш». Е, колыж чак, кае, бурсак, то я ж тоби зроблю інтуку. Тильки што Омелько выхав в калюжу, а бурсак вбиг за ным, сив верхи на коня, дай видризав гужи у хамути и перехав через калюжу, а Омелько зоставсь у калюжи. Што тут робыты Омелькови? Треба злазты з воза, да ловыты коня, што бурсак, перехавши, бросицв(?) на тих боци, а сам үзяв дай утик. Ніймав Омелько кося, заприг, як прышлось у самий калюжи, и прыхав до дому. Входе у хату и баче, што бурсак сидыть на покути в бго хати. Омелько й рот разлявыв дай пыта жинку: шо се? як се?-Да почуваты попросыўся, кае жинка. «Гу! кае Омелько: добрае, спасыби, жинко што пустыла. От тепер же́ж то я с тобою, бисове дытя, ростурбуюсь». Што тут робыты бурсакови? Утик бы, да Омелько и хату защепнун и сам став биля дверей. От и кае Омелько бурсакови: «А ходы лышепь сюда, вченый паыччу». Бурсак пидыйшов «А што се таке?» пыта Омелько и показуе на огонь—А што ж, дядюшка, кае бурсак, як не огонь! «Ни, брешеш», кас Омелько, да як вгарбав школяра за чуцрыну, да круте,

круте, да прыговорюе: «брешеш, се не огонь, а чистота!» А ж моторошно стало бурсакови, да ничего робыты. А далі велів Омелько жиньці прынести кухлык воды да знов пыта у бурсака, што воно е? -Вода, касе бурсак. «Ни брешеш,» касе Омелько, «се не вода, а благодать!» да знов згарбав бурсака за чупрыну и ну крутыты, аж слёзы як горох сыплюцца из очей у бурсака, а Омелько ёго круте за чупрыну да прыговорюе: «се не вода, а благодать!»-Ну а се што? пыта знов Омелько в бурсака и показуе на стелю—Стеля, дядюшка, касе бурсак. «А, бач ты вченый, та не знаеш, што се высота!» Да знов почав за чуба крутыты: крутыв, крутыв, аж искры посыпалыся из очей у бурсака; сердека бурсак аж упав! Тогди Омелько сказав-годи!

Писъля сего Омелько з жинкою повечерялы, а бурсакови не дали, дай ляглы спаты. Лаг и бурсак, да ве спыцца ёму: почув, што мужык з жинкою захроплы, тыхесенько видсунув заслинику у печи, достав огню, и вышов с хаты, да и пидложыв той огонь пид стрижу, хата мужыкова и загорилася, а бурсак видсунув виконечко дай крычыть мужыкови: «дядюшка, а дядюшка! встаньте да погляньте, што воно робыцца!»—А што ж там таке? касе Омелько.«Як што? хиба ж вы не бачыте, што чистота побігла на высоту. А вы, дядюшка, мершчай берить благодать да идти хату залывать!»

(В Куршчыни, д. Островський.)

Брехенъка цяя зайдла вид нас и до велыкоросие, як то видно по языку (дыв. Аф. вып. 6, карт. 38 и 39).

11.

ДЯЧОК И ЧОРТ.

Цяя казка по форми має основу балванохвальства, бо у друїдів була подібна ж пис'ни. Казка наша походить від стародавніх рукописах під назвою „Свансгельстої письни“. Письнею звесьця вона, запевне, через те, що дик виспивував її. Вона звисна теж і у Болгарів. У д. Безсонова(*) надруковано п'ять видмін тої письни; але наша казка кідає зовсім іншій съвит на нюю, бо в надрукованих видмінах питання съплюдьця як сънніг на голову и хто пытає пе звисно, не видно теж прычыпы—чому видповиди повтораюцься.

Ще чув я в Кам'яп'ци подібну казку, в котрі видповиди доходили до дев'яти и були други, зовсім не християнськи, що фундує нашу попередні думку и наводить нас на гадку, що казка дячок и чорт не тильки по формі, але и по ядри була заснована на болванохвальстві. Казка, про котру я згадую, буда ось якого що-е: Чорт дав бідному чоловікові дев'ять кабанів, щоби вин за те дав видповиди на дев'ять питанів, а як пе дастъ, то чорт возьме за те б'го душу. В назначений термин чорт в почі явився під вікном хати того чоловіка, тай питас: що таке іден, два и т. д. до дев'яти? Але, які були видповиди, на превеликий жаль, я не пам'ятаю того тепер. Знаю тильки, що на питання,

(*) Бывші Перекопів, в. 2, № 1. 379-393.

што такое девъять? Чоловик сказав: а шамъятаеш, як ты мени дав девъять кабанив? Прыгадую йшче, што подибна казка є в збирнику галыцьким „Вивок на обжынок“^(*)

Увеликоросив є прымовка „чортова дюжина“. Так звецьця часло 13. Але вид чого воно так звецьця никто не брався вытлумачыты, бо наўть я не можна було того зробити, бо не було для того данных, а казка «дячок п чорт» дае нам для того спосіб: часло 13 звецьця «чортовою дюжиной» запевне через те, што дячок назвав чорта тры на дцятым. С прымовки тоі съмільво можем закмитувати, што казка наша буда болись и у великоросив.

15.

КОЗА БЕДРА.

Вышневський в споі исторыі ляцького пысьмацтва в т. I. на 275 карт. каже, што ляхи, словакы й сербы в найдавнейших часах під постатю пивбока обдертоі козы малювалы бидотнісць обшарпаного простолюду. Казка наша не мае яичого, што бы натякало на теж саме, хочень в аллегорычним стусунку під нею можна розуміты теж саме. За то вона мае в собі ўже давнишчу балванохвальскую основу, ніж понятя о бидотносити простолюду.

(*) За препелку радиць можу сказати, што в II в. казка д. Гудзенка є казка: „у боти і чорзи в чорзи“ карт. 25-1, де є дещыця цей казаки.

Ця казка звисна скризь, де тилько жые наш люд
через тво на має багато видмин. Іди з них надрукова
на д. Мордовцом в бро Мал. Зб. карт. 361-66. У
велькоросів теж єсть подібні казки, тилько в них не
ма першої половyny наської казки, тоді як в ни-то вся
суть казки і вся балвановистна основа. Див. Аф. в. 1.
карт. 25 и 26, в. 2. карт. 285-7. Балвановистна основа
наської казки ось в чим: в ні парисована звисна вся
байка, як Сатурн, себ-то Час, поідав своїх дитей. Частої
рисувався в цостаті діда с сивою бородою, а в нашого
люду і в других слав'ян звався вин просто Дидом,
як видно с приспівки «Ой Дид, Ладо!»

Празник Діда був на кутю, що доводиться от чим:
1) мервиста солома, котру стелять на сьвятый вечер
на Подиллю и в Галиччыни называється «Дидухом», а
сьніп, котрый в той же вечер приносят до хати не об-
молоченым, называється, «дидом». Як прynesут totу
солому до хати на Подиллю, то кажут: «прыйміт «дидух»
(або «діда», вважаючи на то, що прynesут) нанич.
2) слыве на цили просторони (кажу слыве, бо не
знаю-чи в задніпрянщыни є той звычай), де жые наш
люд, є звычай перед новым роком ходыти с козою.
Звычай той є и в Билорушчыни, а навіть здається ще й
бильше, ниж у нас. Як сьвидчить д. Галько^{*)}, в Галич-
чыни ходят с козов с первого сьв. вечера. Пodeкуди
замість того, щобы ходыти с козою, ходят з Маланков.

^{*)} Див. Зв. над Збручев. ч. 2. карт. Б.

з д. Сьвидницкій пры опысуваню маланки мишае ei с козою и значыцца выходыть, што-нибы е таки мисьця, ходят с козою и з маланкою разом*).

Як звычай ходеня с козою и з маланкою має стусунок до яшої казки и ным можна выясныты нашу гадку, што ща враз и казка тата мают балванохвальський характер, то мы и застанимся на тых звычаях и лебильшого опыщем іх, прыточывши и письни, яки спивають пры тим. З юної з вых, де спиваєцца про *тифа-сывоборода*, *что забгє козу*[“] можна догадатыся про якого діда тут спивають.

Народ вже забув правдыве значения ходеня с козою з маланкою. А в Галыччыни навить видправа ходеня с козою, як сьвидчыт д. Галько**) обертаецца в груби фарсы.

С козою ходят парубки: іден з них перебираеся козою, бераеся в переверненый на выворить кожух, ѿму

Але в него, в ѿго «великодни у Подолян» чого, чого ё ма! Хиба пташачого молока там не найдеш! Тым то таки кажут дуже уважно, што не всіому тому можна верити, што пыше д. Сьвидницький. Весь ѿго артыкул про «великденъ у Подолян» мае характер ось чого: «*я роди бузына, а в Кыїви дядько, тым я тебе склобыла что на пяти перстенъ!*» Вин навить слово *склобыла* здоров був!-выводыть вид жыдивського гой.

Дыв. Зв. над Збр. ч. 2, карт. 15.

прывъязают рогы, чипляют бвиночки, вбирают бындамы, часом рогы облиплюют шумыхою; другой перебираеся за діда. Прытим спивають письни, часом прыгравают на скрыпку, а коза таньцюе и выробляе то, што в письни кажут. Приточым тут письни того почату. Перша з них падрукована була д. Юхыменком в Черн. Часопысу 1859 р. № 16, карт. 112:

Го, го, го, коза,
 Го, го, го, синая
 Го, го ходыла,
 Тай заблудыла
 Та в Нехайливку;
 А в Нехайливци
 Там стрильди бойци,
 Вдарылы козу
 Цид праву ногу.
 Коза упала,
 Ногы задраля.
 Ой устань, коза,
 Устань, проходысь,
 Старшому пашу
 В ногы поклонысь.
 Попросы, коза,
 Мирочку винса,
 Шчоб нашая коза
 Сытая була;
 Мирку пшеныци
 На паляныци;

Мирку гречычки
На варенычки,
И пшов наш козел
И на рижечках,
И на нижечках,
Пытаєцца королив в поли,
Хозяіна в доми,
Шчоб тому хозяіву
И коровы булы,
И овечки булы,
И горох самосий,
Добрый вечир усим!

Друга письня надрукована Зинькевичом ляцькымы
буквамы в збирнику Пинських писень, Ковно. 1851 р.
карт. 40—4.

Го, го, го, козонька,
Го, го, го, сира,
Го, го, го, била!
Ой расходыся,
Розвеселыся
По всему дому
По весёлому!
Ой поклоныся
Сему господару,
И жени его,
И деткам его!
Ого, го, козонька.
Ого, го, сира,

Ого, го, била.
 Где коза туюю,
 Там жыто куюю;
 Где коза рогом,
 Там жыто стогом.
 Где коза ходыт,
 Там жыто родыт.

Ого, го, кузка!
 Ого, го, сира
 Ого, го, била!
 Носухай, козонька,
 Где в звоны зволят*),
 Где в бубны бубнят,
 Где в трубы трублят,
 Где скрипки грают.

Ого, го, козоцька,
 Ого, го, сира
 Ого, го, била!
 Погледы на грады,
 Чы не ма зрады?
 Старая баба
 То тая зрада;
 Солому сиче,
 Пырогы пече**),

*) Запевне натякае на звоночки, што на кози.

**) На Подилю додают:

А з носа каптыт,—
 Пырогы мастыт.

Л сипо смажыт,
Пырогы мажыт.

Ого, го, козонька *и дали.*

Выскочы вовчок,

За козу чок-чок,

А вовченята

За козынита.

Мудрая козонька

Догадалася,

В ныцые лозоньки

Заховалася.

Юж не боюся

Ни в полю ловца,

Ни в лиси стравца.

Оно боюся

Старого деда —

Сывоборода,

Той мене забъе

С тугого лучка,

С правого плечка.

Го, го, го, козонька *и дали.*

У пашоі кузоньки (*ю*),

Четыре пуженъки.

Ого, го, го, козонька,

Ого, го, го, сира,

Ого, го, го, била!

*

А ось два письни з околыць Бобруйского, які не надрукованы:

Добрый вечер тому,
 Хто у етом дому.
 Ци дома, дома
 Сам пан гасподар?
 Ой он же сизиць
 Да на покуце
 Весь у золоце;
 Дяржиць калиту
 При правом боку.
 Што у той калице?
 Тры сялежочки.
 Озин сялежок
 Самому пану,
 Другий сялежок
 Да на церковку,
 Трецій сялежок
 Нашай козиньке
 На гарелочку.
 Запали свечачку
 Да схози у клеточку,
 Возьми мачку
 Да на мисачку.
 Нашой козиньке.
 На гарелочку.
 *

На горе коза
 С козицятами,
 А в лугу вовчок

С вовченятами,
 Ой прыбєг вовчок
 За козоньку чок,
 А вовченята
 За козинята.
 Гой прыбєг заяц
 Став козу лаяць:
 «Гой ты, козынька,
 Ты не господынька.
 Взяла б сярпок
 Пошла б на лужок,
 Нажала б снапок,
 Накормила б зяток
 Своіх дробненьких
 Да іх урадовала,
 Да за плот не пускала».
 Гсе коза хоя,
 Там жыто розиць;
 Гсе коза рогами,
 Там жыто стогами;
 Гсе коза ногой,
 Там жыто копой;
 Гсе коза хвостом,
 Там жыто кустом;
 Гсе коза насц....ць,
 Там жыто блишчиць.
 Гой дарыця, дарыця,
 Да не морыця,—

Коротки свитки,
Померзлы лытви.
Бацька сварыўся,
Шчоб не бавыўся,
Маци казала,
Боб кусок сала.
Дайця решато авсу,
Наверх ковбасу,
Решато гречкі,
На верх яечкі.

(*Пид кинец письни сеi, коза лягаe*)

Гой коза встала,
Усим позывковала,
Прыступись близенько,
Поклонись низенько.
И ́господару, и ́господыни,
И старшым и меньшим
Да ног упала.

Ого, го, коза,
Ого, го, сера!
Зе роги зела?
На соль праёла:
Соль дорогая,
Мера скучая;
Наша козынька
Вся золотая*).

---

*) Натакае на то, що вона в шумыси?

Не ходи коза
 Под Рогачева,
 А у том сельце
 Лихие стральце
 Разеньку разяць
 Козоньку забити,
 Ботейки пошити.
 Єк ударили
 В правое вухо,—
 Потекла юха!
 Дайте лясачку
 Попиратися,
 Залицатися.
 Чорт тсебе бери
 Из залѣтами:
 А в мене кониъ
 За воротами.
 Месьвець на дворе,
 Єк хоромина
 . . . . .

Єк смыродина.
 Подайтсѧ чигу
 Отрезать ее,
 Повесить ее
 На крутой гаре.
 Щевчина плача
 Возрыгаючи;
 Собаки брешутсь,
 Прыбегаючи,

Вороны крачутсь,
Прылетаючы.

Хутка даритс€,
Нас не баритс€.
Матси казака,
Штоб кусок сала.
Батська сварывся,
Штоб не барывся.
Решато авса,
Наверх кавбаса,
Асьмина жыта,
Штоб коза сыта.
Зе коза ходила,
Там жыто розило:
Зе коза нагою,
Там жыто капою.
Зе коза рогом,
Там жыто стогом.
Зе коза хвостом,
Там жыто кустом.

(Як заспивають «зе коза рогом» и дали, то ён падає на землю, и нібы спочиває. Письля спивають:)

Ох ты козица,
Старая псица,
Дай не пыпсыся!
Пану Ґосподару
Дай поклонися.
Господыняче,

Ск малиночце,
 Дробным дєточкам,
 Ск цветочкам,
 За єго дары
 За великие.
 Што ему Бог дав,
 То и он нам дав!
 *

У д. Гальки тильки врывок письни надрукований,
 карта 15:

Подывыся, козонько, до шафки,
 Чы не ма там горилкы;
 Подывыся до пъецка,
 Чы не ма там пырижка?

У д. Свидницького ось яки письни надруковані (дыв.
 Ос. 1861 р. кн. 11. карт. 67 и 8, але остатна з ных
 якась сумишкя, та шче й послидни слова—прымовка,
 а не письня*)

Ой козо, козо! козо-небого!
 Поскачы ж мени трохы, немного:
 Дасть пан господар пивзолотого,
 А подобриє, дасть и другого;
 А хозяечка мирку гречки—

*) А в Галыччыни воны вжываюцца як шумка:
 •Колысала баба діда   А дід бабци купыв капци
 Вид поранка до обида   Курти булы: втяв ій пальци!»
 (Счастный Саламонь, карт. 9).

Наши козуны на варенычки.
 Ой козо-козо! поглянь на граба (sic)!
 Поглянь на граба, там сидит зрада;
 Яка то зрада? Старая баба.
 Старая баба на печи сидит —
 На печи сидит, солому сиче,
 Солому сиче,— пирогы пече,
 А з носа каптыт,
 Пирогы мастыт.
 Ой козо-козо! не оглядайся!
 На мене дида не задывляйся:
 Бо в мене дида борода гнида,
 Борода гнида, аж до колина.

Ой на гори монастыр,
 До него дорижка.
 Вмерла моя бабусенька,
 Зосталася кизка.
 А я дид, а я дид,
 А я невелычкий;
 А я свои 5юби-люби
 Куплю черевычки,
 Черевычки невелычкы,
 Передочки с кытаечки,
 Закаблукы с кабака;
 А як пидеш до аренды,
 То вдарымо тропака.—

А дил бабди күпыв қалци,
Та коротки булы, то втяв пальци.
*

Шче я чув письню, де була прыспивка; *тои коза, тпруи, коза!* Але тепер не памъятаю ёї.

Зо всôго, шчо доси бачылы, можна закмитуваты, шчо коза вдавныну була офорвана тому Богови, котрый звався Диом. Маєм на то доводы шче в прымовках и в пустовир'ях. Пры тим треба взяты на увагу, шчо пид вплывом христыянства то, шчо було съвъятым за часив балванохвальства, сталося почытуваты за погане и нечысте. Так и коза в прымовци называецца *чортовым носиням*; а чорт по нашему звецца йшче *дидъком*. Слово де не шчо друге, як ласкавыцца вид слова *дид*, як то спостериг шче Памва Берында в своім словныку. Всім звесно теж пустовир'я нашого люду, шчо нибы на цапи іздыт в ночы чорт и нибы за-для того держат цапа по стайнях. Шче є повир'я, шчо нибы в козу, або цапа обертаюцца гроши, и в тоти постати являюцца людям. С цего всôго очевысто, шчо коза и цап булы офорваны Диоми и хопеня с козою по домах не шчо друге, як остаток того, шчо вдавныну жерци оттак саме ходылы по хатах з офорваною Богови козою и ото так выпрашувалы всячыну, обицяючы, шчо де каза, то там и тес і овее, як выдно в надрукованых выше письнях.

Тепер поглянем на звычай хопеня з *маланкою* и покажемо, шчо вин таке значыв. Можна згодытыся з д. Гальком, шчо хопеня з маланкою видбываеся там, де

ходяц у самых чорных сираках. Бай справди в Билорушчыни, де сами били сиракы, не ма того звычаю, тогде як звычай ходыты с козою мае больше силы там, ніж у нас. С пего, видай, можна закмитуваты, што ходыты (козою-чы не перейшло до нас з Билорушчыны?

З маланкою ходят перед самым новым роком; ходят теж парубки, и ідного з них перебирают за дивку-маланку. А по декуды, як съвидчыт д. Галько (Зв. ч. 2 карт. 16) перебирают «быка за кобиту и водят тую «маланку» по хатах». Але мени не доводылося бачыти што-бы быка переодягали за маланку. Парубкам, што ходят з маланкою, теж дают што може.

Прыточым тут два письни, што спивають, ходячы маланкою. Перша з них надрукавана д. Гальком спиваецца в Постоливци в Галыччыни:

Вчера з вечера
 Маланка ходыла,
 Васыля просыла:
 Васылю, Васыленьку!
 Возьмы мъя на шысеньку:
 Я тоби не заважу,
 Коныка не надсацу,
 Коныка вороного,
 Васыля молодого.
 Я в Дністру хусты прала,
 Фартушок замачала.
 Вий, витре буйнесенъкий,
 Высуши фартушок тонесенъкий.

Тарели пид лавкою,
 Зарослы муравкою:
 Тарели помывала,
 Госьтий ся сподивала:
 Гостонька короленька,
 Молодого Васыленька.

Друга писъня надрукована д. Сьвидницькым з 6го
 •Велыкодни•:

Ой учера из вечира
 Пасла Мыланка (^{віс}) два качури—
 Пасла-пасла, загубыла.
 Шукаючи, заблудыла,
 Прыблудыла в чисте поле:
 В чысьтим поли Васыль оре;
 «Васыльчику-чычерчику! (мабуть чебичику*);
 Посию тебе в городчику;
 Буду тебе доглядаты;
 По тричи**) полывать,
 Што-суботы прорываты.
 За росу-косу***) затыкаты

*) В Шарапанивци я чув: Васыльчику-чычерчику; слово чычерчику и ласкавыця вид чернец, и вжываєць замисль чебичику, бо шчобы не було багато прыголосных выпало б, як подекуды в тим же слови выпадає р чебичику,

**) Не чув сего слова на Подиллю.

***) В Шарапанивци чув: «за голову».

До перкоанди выражаты.»
 Наша Мыланка(?) ложки мыла,
 Ложку, тарилку упустыла*);
 Ложку, тарилку доставала,
 Тонкий фартух замачала,
 Новий, витре буйнесенький;
 Высушы фартух тонесенький;
 Новий, витре, кризь ворота.—
 Высушы фартух краине злота;
 Новий, витре, сяк-так, сяк-так,
 Высушы фартух як мак, як мак.
 Пусьтит Мыланку(?), пусьтит до хаты;
 Наша Мыланка(?) змерзла в п'яты:
 Ой у Мыланки(?) коротка свитка,
 Наша Мыланка(?) змерзла в лытки.

Тепер постараємся вы tłumачыты значеня звычаю ходыты з маланкою. Шче никто не тлумачыв ёго, тилько д. Галько робыв пробу того. Ось ёго гадка: «Выдыцца, што перше всюда быка за кобиту перебыралы и вид того назва «маланка» походит, же быка звычайно «малый»,

*) Замись сых двох виршив часом спиваю:

Наша Мыланка(?) в Дністри була,
 Дністрову воду-воду пыла. Съвидн.

Л я чув шче:

Наша маланка
 Дністровьянка,
 В Дністри воду пыла,
 Фартушок замочила.

малый» ся клыче*)» (Зв. ч.2 карт. 16).

Але се тлумаченя не має основы ни зо стороны обряду, ни зо становышча языковистныци.

Правда, што вола, як вин не має особного назвиска, клычут: «малый, малый!» а корову «мала, мала!» Чому ж д. Галько выводыть слово маланка не вид «мала», што блыжче до того слова, а вид «малый? Запевне се тому, што *подекуды* перебирают быка за маланку. Але ѹ сам д. Галько каже, што за маланку перебирают теж и «паробчака» (карт. 15). Як бы скризь перебиралы быка за маланку, то тогди-бы ще сяк так можна думаты, што вид того сама назва маланкы. Але ѹ тогди треба бы глибше взяты пытаня и звернуты увагу, чому быка переодягали и што то мало спачты? А на те д. Галько не звернув увагы..

Тлумаченя ѻго маланкы вид «малый» не має и языковистної основы: бо звидкы в слові маланка прыголосна *и*, колы в слові «малый» не має *еi*? На те д. Галько не звернув увагы. А через те и тлумаченя ѻго не має силы.

Першэ всёго скажем, што маланка має балвановистную основу. Вже ідно то, што *еi* прыурочылы до св. Маланіі и до св. Васыля, же бываюць під той час, показуе, што обряд той мав велику вагу в язычестві нашого люду, а

---

^{*)} Прымовка «пишов як з маланков» тоб-то без ничего, бо ся на ним и на ѻго ошуца пизналы, съвидчыт, што звычай з маланкою ходыты есьть давний и мав колись свое значеня, котре народ цыни вже не тымыт». (Галько, карт. 16 и 17). Як я тлумачу сюю прымовку дывысь дальше,

навіть бильшу вагу, пиж коза, котра не переформована пид волывом хрыстиянства.

Для того, щобы выясниты слово маланка, вам треба вдатыся до прыривнёваня и звернуты увагу ось на што: в казци про козу-бедру дид стойт на воротях з макогоном. Треба знаты, што макогин мае велыке значеня в риздв'яных съвъятах: ным трут мак на кутю и реkбись вачынают съвъята; ным теж *проганяют кутю*, себ-то киньчают съвъята. Сей макогин треба вважаты як прычапдал Бога Діда; и в таким рази вин запевне мав такеž значеня, як в руках Индры громова стрила, а в скандынавського Тора молот, котрый, звався *miölir*. Слово де ідного кориня зо словами: молот, млѣти, молоты, млыво, мелыво, млын^{*)}), молонь, муля, мовня. Молот Тора мав таку власнисць, што як Тор кыне бго, то вин сам повертаўся до бго рук. Чы не вид того кыданя молота походыла сама молонья (блыскавыця)? Може с такою власнисцю народ наш почытував и макогин в руках Діда. Треба додаты, што подекуды блыскавыця называецца *маланъя*^{**}), *малашка*^{***}), а навіть и *маланка*, што значит блыскавыця без грому. В наддніпранським Могылеви я чув вид простолюду таку розмову; говорылы про неурожай картофли, и хтось сказав *маланкою*

---

^{*)} Чы не через те и млын выдаецца нашему люду задим нечыстоi силы, бо другі прычины тому не выдно.

^{**) В Малоархангельшчыни.}

^{***) В Воронижшчыни.}

попалыло. Себ-то думают, тъо в той риѣ, як бувают часты блыскавыци без грому, картофля не добре родыцьця. Чы не в таким значеню в Галыччыни вжываєцьця „*пишов з маланков*“¹⁾, себ-то пропав, перевився (запевне, найсамперед говорено про плид який)? А вже значения ничего не скурав буде переносне значения. Выводы значения сеi прымовки вид хоценя з маланкою перебаранчае то, што хто ходыт з маланкою, той не зистаєцьця без *ничого*, бо ѿму скризь дают будь-шчо.

Мени могут даты на прытыкы, што слово маланка в ваши мови не задержалось в значеню блыскавыци, и што ѿго выпхало з языка слово блыскавыця, блыскавка. Але я на це скажу, ипчо се борще доказує нашу гадку, што слово маланка было до того з балвановистным характером, што христыянство мусило выгнать ѿго, замиравшы то слово блыскавкою, и што блыскавка геть-то пизнишче слово, *ниж* маланка, на што наводыт нас языковистныця.

Може я й помыляюся в свои гадци, але мени здаєцьця, што так повынно тлумачыты маланку. Шче треба, додаты, може кому згодыцьця, што в Камъяньци пры похоронах ведецьця у простолюду гра в *маланку*²⁾), в таким рази—чы не буде слово маланка видминою слова *маранка* вид божыци Мараны?

Будь як буде, а для нас важно, што коза и маланка

---

¹⁾) Про цю мы говорылы в другим выпуску «*Быта Подлян*» карт. 29.

видбувающа з машкарованом, с преодлягапом. Се показує, што обряды козы и маланки булы прычандалы Бога Дида, который фигурував собою Час: час видміняюща на кшталт машкарования.

Треба тут доточыты, што у велыкоросив бе спраліе-
цьца кутя, через тэ вных, мабуть, не было Бога «Дида»,
што доказуе ў цым, што в іх мови не ма слова
«дидъко». Сым выясняюща те, што в іх казках про
козу не мае першоі половыны про дида.

В видмини нашоі казки д. Мордовцова в дида була
дочка и в бабы дочка, а в наши казци в ных було три
сыны и два дочки, так-пачо з дидом и з бабою вони
цилу недилю по черзи паслы козы. Прыняўши гадку,
што Дид — Бог часу, мы можем зробыты пытаня: чы не дае
нам матеръялу сяя казка выяспыты кружало наськіх
богів, котрым булы офиравані два? Як-шо так, то мы
можем закмітуваты, што таких богів було у нас сім, и
в тій личби було 4 персоны мушчынських, а трох жино-
чых, тогди як у Рымлян в личби таких истот було тиль-
кы два божыци. Чы не натякае се нам на то, што у
наших предков пытапя про жиноту було лучше ростар-
мано, ніж у старобытных Рымлян?

ШЧО-Е:**ШЧО-БУДЕ В ДРУГИМ ВЫПУСКУ:**

карт.

Прыпysка	—	—	—	3.	Мисяци.
Найсамперед	—	—	—	5.	Сынко-Давыдко.
Ошыр и бого товарыш	—	—	7.	Нисенитныця.	
Вмерлый	—	—	—	8.	Мирошнырова рада,
Праха	—	—	—	9.	Нутак судью повисыть!
Чы було колы добре на съвити	—	—	—	12.	Дурва Тося.
Солодкий хлиб	—	—	—	13.	Суд.
Отца Ивана шпак	—	—	—	15.	Сонце, витер и мороз.
Попив наймыт	—	—	—	14.	Былыця.
Нисенитныця	—	—	—	19.	Русын и лях.
Пес, кит та мыш	—	—	—	21.	Росплöваньци.
Школьр	—	—	—	22.	Москаль.
Дячок и чорт	—	—	—	27.	Биб.
Шчось знакоме поіхало	—	—	—	31.	А пиханого, паночку?
Млын	—	—	—	32.	Пес и ведмидь.
Оттак чорт п'яных бере	—	—	—	35.	Вважаня.
Коза-бедра	—	—	—	36.	
Вважаня	—	—	—	43-70.	

П О П Р А В К А.

Што надруковано на 14 картци, то повынно буты на 15, а што на 15 то повынно буты на 14.

СТАРИННЫЯ ПУБЛИКИ

